

Литература

1. *Гроссман Л. П.* Поэтика Достоевского. М., 1925.
2. *Мамедханова Н. Д.* Взаимосвязь реализма О. Бальзака и Ф. М. Достоевского // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 76–79.
3. *Сафонова С. Ю.* Ф. М. Достоевский и О. Бальзак: диалог мировоззрений // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 66. 2012. № 17 (271). С. 113–116.

УДК 821(4).09; 821.161.1.09"18"

А. А. Федотова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
gry_anna@mail.ru*

**«ПРИПОМИНАЮ КНИЖЕЧКУ ОСТРОУМНЕЙШЕГО ПАСТОРА СТЕРНА»:
ТВОРЧЕСТВО Л. СТЕРНА В РЕЦЕПЦИИ Н. С. ЛЕСКОВА**

Статья посвящена исследованию проблемы творческого диалога Н. С. Лескова и Л. Стерна, в частности рецепции Лесковым прозы Стерна в процессе индивидуального жанротворчества.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н. С. Лесков, Л. Стерн, «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена», жанр, нарратив, рецепция, мотив.

A. A. Fedotova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru*

**"RECOGNISING THE BOOK OF THE WITTIEST PASTOR STERNE":
LAURENCE STERNE'S WORKS IN NIKOLAI LESKOV'S RECEPTION**

The article is devoted to the study of the problem of creative dialogue of Nikolai Leskov and Laurence Sterne, in particular the reception of Sterne's prose by Nikolai Leskov in the process of individual genre creation.

Keywords: 19th century Russian literature, Nikolai Leskov, Laurence Sterne, "The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman", genre, narrative, reception, motif.

Проблема творческого диалога английского писателя-новатора XVII века Лоренса Стерна и классика русской литературы второй половины XIX века Николая Семеновича Лескова стабильно привлекает внимание отечественных литературоведов (2; 5; 6). В рамках данной статьи остановимся на одном из принципиальных моментов диалога двух авторов – рецепции Лесковым прозы Стерна в процессе индивидуального жанротворчества. Этот вопрос до сих пор не привлекал внимание литературоведов, хотя склонность Лескова к жанровому новаторству и жанровой рефлексии была давно отмечена учеными (1).

В прозе Лескова встречается в нескольких вариантах следующее необычное жанровое обозначение: «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения», «Свои и чужие опыты, наблюдения и заметки» (подзаголовок очерка «Русские деятели в Остзейском крае»), «Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов» (подзаголовок повести «Заячий ремиз»). Работая над последней повестью, Лесков первоначально хотел озаглавить ее «Оноприй Перегуд из Перегудова: его жизнь, опыты и приключения». На наш взгляд, эти определения могут расцениваться как аллюзия на любимый лесковский роман Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена» (1760–1767), цитаты из которого наиболее часты в лесковской прозе.

Характер актуализации Лесковым жанрового подзаголовка необычен. Несмотря на различия в его вербальном оформлении, бросается в глаза сохранение нескольких инвариантных понятий. Прежде всего, это обязательно присутствующее «мнение» (или его синоним «наблюдение»), столь принципиальное для Стерна. В сказовых повестях Лескова – как и в романе-предшественнике – это маркер присутствия в тексте диегетического эксплицитного нарратора, чья точка зрения «управляет» повествованием (об этом подробнее см. (7)). Кроме того,

Лесков вводит в подзаголовок отброшенное и переосмысленное Стерном понятие «приключения», тем самым реактуализируя связь своего произведения с романами-автобиографиями, пародируемыми в «Тристане Шенди», что вносит в текст оттенок анахронизма. Анахронизм жанрового подзаголовка еще более усиливается благодаря настойчивому повторению Лесковым слова «опыты», которое никак не мотивировано содержанием произведений. Более того, аллюзия на популярный жанр философской литературы XVII–XVIII веков делает заголовок внутренне противоречивым. Контаминация в подзаголовке двух жанровых форм (философской и авантюрной), связанных эпохой создания, способствует рождению комизма, который еще более усиливается благодаря архаичности жанрового определения текстов. В случае сказовых повестей последнее свидетельствует об игровой направленности произведений: например, «Заячий ремиз» представляет собой пародию на роман-жизнеописание.

Однако отсылка к Стерну в подзаголовке произведений Лескова – это не только знак присутствия субъективного нарратора или признак пародийно-игрового характера текста. Не менее важна Лескову и особая свободная композиционная форма, для описания которой в повести «Заячий ремиз» писатель выбрал показательную фразу: «Писана эта штука манерой капризною, вроде повествований Гофмана или Стерна с отступлениями и рикошетами» (3, 606). Интерес Лескова к необычной композиции стернианского романа объясняет, почему в один ряд с «Очарованным странником» и «Заячьим ремизом» попало произведение, от них совершенно отличное и из традиционных жанров наиболее близкое очерку («Русские деятели в Остзейском крае»).

Канонической повествовательной схеме писатель противопоставлял изменение хронологии, перестановки частей и глав, метатекстовые включения и неожиданные перемены сюжета. Угасание «принципа казуальности» и отсутствие единого сюжета приводит к включению компенсаторных механизмов формирования целостности текста, особую важность среди которых приобретает система эквивалентностей и лейтмотивов (об этом подробнее см. (7)). Последнее свойственно и художественным, и фактуальным произведениям Лескова, написанным с учетом стернианского контекста. «Шандеизм» в фикциональной прозе Лескова был особенно востребован в сказовом нарративе, в публицистике – в произведениях очеркового характера. Именно эти «свободные» формы стали пространством для композиционного и повествовательного эксперимента писателя.

Особенно парадоксальна актуализация «стернианской» манеры в публицистической прозе писателя – текстах, предполагающих прямое выражение авторской позиции. Тем не менее в очерке «Русские деятели в Остзейском крае» (1883) Лесков предпринимает смелую попытку представить в первую очередь «чужие» «опыты, наблюдения и заметки»: среди «источников» очерка – и исторические документы (письмо Ю. Ф. Самарина), и художественные тексты (Ф. М. Достоевский «Записки из мертвого дома»), и религиозная литература («История выговской старообрядческой пустыни»). Со- и противопоставление этих текстов с помощью системы мотивов демонстрирует ограниченность позиций, с которыми полемизирует Лесков. Мнение писателя не выражено в прямом публицистическом слове, что требует проявления читательской активности. Читателю предоставляется право «расшифровать» проведённые автором параллели и увидеть за разрозненными, на первый взгляд, ироническими высказываниями в адрес крупнейшего идеолога славянофильства Самарина, пропагандиста почвенничества Достоевского и последователей старообрядчества целенаправленную полемику писателя с националистической по своему существу идеей превосходства русского народа «над всеми прочими» и столь же целенаправленно провозглашаемый идеал терпимости и любви (о религиозной и нравственной стороне творчества писателя см. (4)).

Приведенные примеры показывают еще одну особенность поэтики Лескова, которая принципиально сближает его творчество с «методом» классика английской литературы. С точки

зрения У. Эко, роман Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди», «творение, каждое слово которого осмысляет себя» (8, 447), является идеалом «открытого» для рецепции текста, требующим максимальной активности читателя. Лесковские тексты, созданные в стернианской «манере», часто тоже выглядят как игровая провокация. Зашифрованность произведений Лескова – как и текстов Стерна – провоцирует читателя на поиски скрытого в произведении смысла. Эти поиски должны увенчаться обнаружением истины, имеющей характер нравственного открытия. Парадоксальное и мастерское соединение дидактики и игры, как кажется, было одним из основных качеств прозы «остроумнейшего пастора» Стерна, которое привлекло Лескова и которое Лесков столь же талантливо реализовал в собственных произведениях.

Сделанные в статье наблюдения демонстрируют, что вопрос о влиянии индивидуального стиля Стерна на творческую манеру Лескова является актуальным и требует дальнейшего изучения. В статье указаны основные векторы схождения поэтики двух писателей: жанровый эксперимент, субъективность нарратива, «свободная композиция», применение различных способов устранения авторской оценки, неожиданное сочетание интонаций, соединение дидактизма и игры, активизация читателей. Многочисленные стернианские цитаты и реминисценции в лесковской прозе свидетельствуют о том, что творческая связь писателей носила характер не только типологической близости, но и диалога в «большом времени». В этой связи значимым кажется как более детальный сравнительный анализ рецепции Лесковым романов Стерна на конкретном текстовом материале (повести «Смех и горе», «Очарованный странник», «Заячий ремиз», роман-хроника «Соборяне»), так и выявление и дифференциация особенностей поэтики писателей.

Литература

1. Гроссман Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь. Творчество. Поэтика. М., 1945.
2. Дыханова Б. С. От «черноземного телемака» к перегудинскому «болвану» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 199–206.
3. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. М., 1958.
4. Лукашевич М. Исследование религиозной проблематики в творчестве Николая Лескова: вопросы методологии // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. Врно, 2017. S. 105–115.
5. Лученецкая-Бурдина И. Ю., Федотова А. А. Традиции пародийного романа Л. Стерна в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 222–225.
6. Овчинникова И. В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.
7. Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль, 2018.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.; М., 2005.